

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНАТА

Дракон в городе	9
Танк в лесу	38
Мальчик в замке	62
Люди в деревне	93
Девочка в кафе	120
Опекун в Зеркале	154
Разведчик в дороге	183
Женщина в заточении	217

ПОДРОБНЕЕ О КОСТЕ И ЕГО ДРУЗЬЯХ

Дети бесятся	245
Детки в клетке	265
Дети встретились	284
Дети катаются	303
Взрослые	324

Когнаты (лат. cognati, буквально «родственные») — в лингвистике: исторически однокоренные слова, которые имеют общее происхождение в двух и более языках. Звучание таких слов часто похожее, но может сильно разойтись в разных языках. В большинстве случаев значение когнат совпадает не полностью.

ΚΟΓΗΑΤΑ

ДРАКОН В ГОРОДЕ

Почти всю ночь Константин проворочался, укладывая себя так, чтобы не болели спина и шея, и, пока не уснул, возвращался к мысли, что все эти страдания к дождю. Бессонница аукнулась после обеда в казенной столовой. Боль, которая еще давала о себе знать с восьми до двенадцати, покуда Константин разбирал корреспонденцию, отступила, сменилась сладким, как яблочный компот, чувством успокоения во всем теле. Августовское солнце добралось до окон кабинета, где Константин работал с понедельника по субботу, пробилось сквозь закрытые шторы, настольную лампу можно было выключить за ненадобностью, и стало неловко за шляпу и плащ на вешалке. Да и себя Константин застыдился, когда обнаружил, что задремал, а ведь вроде бы всего на миг отложил вечное перо и попытался расслышать слова оперной арии, доносившейся из репродуктора на улице.

Решетка на окне, сваренная в виде солнца с лучами, непосредственно само солнце, оконная рама — все это образовывало на занавеске причудливо исчерченное тенями пятно света, похожее на картину одного из абстрактных художников, о которых в последнее время только и говорили, будто других забот не было. Подвижная тень осы то пропадала среди других теней, то снова оказывалась на виду, не в силах соединиться с тенью полуоткрытой форточки и потеряться навсегда. Раздраженно вздохнув, Константин слегка извернулся, взял трость, которую привык вешать г-образной рукояткой на спинку стула, и похромал на выручку. Захватил из пачки писчей бумаги на углу столешницы один листок.

Оса забралась в пространство внутри двойной рамы. Константин посмотрел, как она шевелится там, оценил, насколько трудно будет тронуть с места покрашенные масляной краской шпингалеты, и все надеялся, что оса справится со своим освобождением сама, но все же подтащил стул. Почему-то заранее стыдясь, что кто-нибудь внезапно постучит в дверь, долго разбирался с верхним шпингалетом, затем, переживая меньше, зато взмокший от старания, отковыривал нижнюю задвижку.

Оса все это время была озабочена своим существованием, похожим на непрерывный труд. Даже когда Константин накрыл ее бумагой, сквозь лист ухватил двумя пальцами за бока, она принялась выкручиваться, будто спешила вернуться к важному делу. На ощупь оса была мускулистая, как лошадь, и твердая, как желудь. Константин выпустил ее

в форточку и почувствовал себя едва ли не героем книги или фильма, который выгнал из трамвая пьяного хулигана, грубившего пассажиров.

Он отдышался и снова взялся за работу, зарегистрировал пару донесений от сознательных граждан. С без пятнадцати четыре до шести минут пятого он уже поглядывал на часы на руке, раздумывал: не зайти ли к родителям на обратном пути. А то как забежал к ним отметить свое двадцатишестилетие, получил галстук в подарок, так больше и не появлялся, почти месяц прошел, созванивались только. С другой стороны — отцу некогда, у него на заводе очередной аврал, так что и не поймать даже в воскресенье, а к одной маме заходить, так это все равно что отца обидеть, нехорошо как-то, по отдельности. Чем ближе был конец рабочего дня, тем сильнее Константин чувствовал, что становится двумя разными людьми, один работал и занимался делом, а второй прикидывал, как проведет вечер во дворе: поваляется почитает, или ввяжется в разговор с соседями, или будет сидеть на балконе после ужина (был такой плюс его комнаты в коммунальной квартире — балкон, где от прежних жильцов остались ящики для цветов, до которых у Константина не доходили руки; он не знал, то ли снова засеять их чем-нибудь, то ли вытряхнуть из них землю, наколоть из них щепы да сжечь осенью в печке).

Но тут скучно, как будильник на исходе завода, зазвонил телефон внутренней связи.

— Костик, заканчивай пока с бумажками и заскочи-ка ко мне, — попросил начальник и положил

трубку, не дождавшись ответного: «Вас понял, товарищ полковник».

Константин невольно поймал себя на том, что строил озадаченную гримасу, и решил не медлить. Торопливо перенес канцелярию в сейф и, хотя и прихватил трость, идя в другой конец здания, старался придать себе как можно менее больной вид. Наигранная бодрость, очевидно, оказалась не слишком убедительной. Адъютант полковника смерил Константина взглядом, в котором угадывалась ирония, сказал:

— Явился, герой... — и приглашающе качнул головой в сторону кабинета.

У Дмитрия Нилыча, как всегда, было сумрачно, так что в первые секунды Константин промаргивался от солнечных пятен, что наловил, пока хромал по коридорам, покрытым натертыми плашками светлого паркета.

— Здравия желаю, тащ по... — начал Константин с желанием, чтобы Дмитрий Нилыч обозначил себя голосом в этом полумраке.

— Заходи, заходи, не стесняйся, — послышалось откуда-то сбоку, оттуда же доносился запах табачного дыма. — Да ты садись. Находишься еще.

Нашарив ближайший стул, Константин уселся, скромненько пристроив трость между коленей.

Константин пытался вспомнить, где мог ошибиться в обработке писем, где мог что-нибудь упустить, не обратить должного внимания на важные сведения, но в городе вроде бы ничего важного не случилось за последние дни и даже пару недель, да и в целом все было относительно тихо. Аноним-

ки, касавшиеся уголовщины, он перенаправлял в МВД, как обычно следуя инструкции межведомственного сотрудничества, при этом не терял бдительности и давал знать коллегам, если попадалось хоть что-то более подозрительное, вроде писем о странно тихих сборищах по такому-то такому-то адресу, запахе канифоли из квартиры соседей или просьбы отреагировать на стук печатной машинки за стенкой — мало ли, машинка не зарегистрирована, никому не хочется неприятностей.

— Ну и что там граждане пишут интересного? — спросил Дмитрий Нилович. — Не дают хоть затосковать? Радуют историями?

— Да какие истории, товарищ полковник? — развел руками Константин, пытаясь сообразить, к чему эти вопросы. — Больше всего на алкоголиков жалуются, которых по профсоюзной линии не могут пропесочить толком. На спекулянтов. На работников торговли, которые товары зажимают. Кто-то пытается соседям подкузьмить анонимкой за старые обиды. Насчет самогоноварения есть сигналы. Психов хватает, не без этого: кто-то диверсантов видит, где их нет, кто-то шифр в «классиках» на асфальте. Достает, в общем, веселья.

Дмитрий Нилович слегка прокашлялся, задумчиво сказал: «М-да, понятно».

— Но, если разобраться, куда мне еще? — продолжил Константин. — Я же все понимаю. Толку от меня сейчас немного. Делаю что могу.

— Чё-т ты нагоняешь грусти, старлей, — прокряхтел полковник, сел в кресло, включил лампу,

и Константин нехотя поглядел в его наполовину обожженное лицо; оба глаза полковника: обычный и стеклянный — смотрели с одинаковой внимательностью. — Может, и мне, скажешь, на покой пора, и во мне смысла немного, раз у меня не всего хватает? М-м?

— Никак нет, товарищ полковник, — помедлив, возразил Константин.

— Ясно все с тобой, — тоже помолчав, вздохнул Дмитрий Нилович и откинулся на спинку кресла.

С минуту полковник задумчиво постукивал крепкими пальцами по столешнице. Громко тикали напольные часы позади Константина. С улицы, откуда-то издалека, доносились звуки пинков по мячу и детские крики: «Мне давай! Мне пасуй, каракатица!»

Полковник щелкнул портсигаром, дунул в папиросу, снова прошел к подоконнику, чиркнул спичкой, но курить не стал, а погасил ее несколькими взмахами и сказал словно в пустоту:

— У той чокнутой драконьей бабы, которую ты спас, дочка пропала.

Сердце Константина стукнуло невпопад, и слабая судорожная боль, привидение той, настоящей боли, которую он испытал, когда получил ранения, слегка отдалась в спине и шее. Промелькнуло воспоминание: яркая синяя лужа, похожая на разлитую краску, растекшееся по полу мороженое.

— А при чем тут, извините, я? — осторожно спросил Константин.

— Вот и я не знаю при чем, — заметил полковник. — Не я с драконами переписываюсь.

— Это нечасто происходит, — ответил Константин, стараясь, чтобы слова не звучали как оправдание. — И большинство не я прислал, а мне с той стороны Зеркала прислали. А я отвечаю согласно инструкциям. Иначе как? — В нем слишком быстро накопилось раздражение, которое он вроде бы сумел удержать, но все же ляпнул: — В конце концов, вы в курсе переписки. Можно было намекнуть, если сомневаетесь, что у вас сотрудник как-то не так себя ведет, тем более все читается, проверяется, как-нибудь цензурируется, в чем я не сомневаюсь.

— Да, блин, Костя, не кипятись ты, — зевнув, перебил его Дмитрий Нилыч. — Понятно, что не ты. Скорее всего, это их какие-то трения. У них там, это, как его, дай бог памяти. Стрийное наследование, что ли, черт их разберет. Мужчина у женщины наследует титул, если у нее он есть, а потом наоборот — женщина у мужчины, и женская линия важна при наследовании. Ну и за время войны муж у той драконихи крикнул благополучно, затем наследовала его сестра, но у нее детей не было. Затем и сестрица загнулась, потом дядя какой-то левый выплыл, но он долго не протянет, и сейчас выходит, что девочка, которая потерялась, — будущая наследная герцогиня. Так что может получиться, что это ее кто-нибудь из родственников по женской линии и потерял на всякий случай. И мы тут не при делах.

— Товарищ полковник, разрешите идти? — попросил Константин.

— ...А может и оказаться, — как бы не услышал его Дмитрий Нилыч, но при этом надавил голосом,

пресекая любое возражение — что ее к нам через Зеркало перекинуло. И тогда...

Глаза Константина уже привыкли к полумраку, и он увидел, что начальник сделал жест, будто некого сеятеля изображал, рисуя перед Константином какую-то еще неясную перспективу.

Как ни странно, оба глаза полковника вспыхнули живым зловещим огнем, и он обреченно произнес:

— И ее тут замочат, и опять все по новой вспыхнет. Семейка надавит, они генератор Зеркала выключат, и заново поперет: бомбардировки, танковые клинья, диверсанты, котлы...

— Так ей сколько лет? Лет семь, — перебил Константин. — Кто ж ее тронет?

Полковник блеснул металлическими зубами с той стороны, где у него был стеклянный глаз.

— Ты, видимо, не совсем в курсе, как обстоит дело, как тут с детьми драконьими получается иногда, — заметил Дмитрий Нилыч. — Про пожар в Южном слышал месяца четыре назад?

— Допустим, — неуверенно ответил Константин.

— Ну так пять трупов, не считая мелкого дракона. Граждане решили камнями закидать. Милиционер подоспел с табельным оружием, отличник ДОСААФ и ворошиловский стрелок, а так бы, может, тот и улетел бы к себе. — Дмитрий Нилыч перевел дыхание и продолжил: — Так то был пацан из их мелкого рыцарства, почти кривоzubый крестьянин из драконов, практически классово близкий персонаж, навряде нас с тобой. Между ним и этой девочкой с драконьей точки зрения просто пропасть про-